

Пятница, 22 октября 1904 г.

№ 280. Годъ четырнадцатый. № 280

Пятница, 22 октября 1904 г.

Условия подписки съ доставкой и пересылк. городскимъ и
иногда городскимъ подписчикамъ:

12 м.—9 р., 11 м.—8 р. 50 к., 10 м.—8 р., 9 м.—7 р.
25 к., 8 м.—6 р. 50 к., 7 м.—5 р. 75 к., 6 м.—5 р. 50 к.—
4 р. 25 к., 4 м.—3 р. 50 к., 3 м.—2 р. 75 к., 2 м.—2 р.
1 м.—1 р.

За пересылку загранич. взим. добавоч. 60 к. ежемесячно.

Подписка принимается съ каждаго 1-го числа.

За временн. адреса взимается 25 к.

За объявления: за строку, занимаемую пятитомъ на 1-й стр.—
10 к., на 4-й странице—10 к.

При многоратн. печатаніи—скидка по соглашенію.

За разсыл. приложеній при газетѣ—8 р. отъ каждаго тысяч.

Главн. контора помѣщается въ Ростовѣ на Дону, на Бол.
Садовой улицѣ, въ собств. домѣ.

Контора открыта ежедневно отъ 8 час. утра до 8 ч. ве-
чера, въ воскресные и празднич. дни отъ 10 до 12 ч. дне.
Отдѣльные номера въ Ростовѣ нд. и въ отдѣленіяхъ—5 к.

Телефонъ конторы № 240.

ПРИАЗОВСКИЙ КРАЙ

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ.

Редакция газеты помѣщ. въ Ростовѣ на-Дону, на Болшой
Садовой улицѣ, въ собств. домѣ.

Редакция для личн. общен. откр. отъ 12 до 2 ч. дня

Статьи должны быть доставляемы съ подписью и адре-
сомъ автора. Принятые статьи, по усмотрѣнію редакціи,
подлежатъ измѣненію и сокращенію. Статьи безъ обо-
значенія условій считаются безвѣстными. Мелкія замѣтки
уничтожаются, статьи сохраняются 1 мѣсяцъ. Пересылку
рукописей обратно авторамъ редакція на себя не при-
нимаетъ. Гонимаръ выдается въ конторѣ по субботамъ
отъ 10 до 1 часа дня. Телефонъ редакціи № 6.

Объявленія для газ. „Приазовскій Край“ отъ лица, фирмы
и учрежденій, находящихся въ С.-Петербургѣ, Москвѣ,
Вильнѣ, Ригѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Привислянскомъ краѣ
и за границею, принимаются исключительно въ централь-
ной конторѣ объявленій торговаго дома „Л. и Э. Матилье“
въ Москвѣ, въ домѣ Сытова, и въ его отдѣленіяхъ С.-Пе-
тербургѣ, на В. Морской, № 11, и въ Варшавѣ, Краков-
ское предм., № 38.—по таксъ: полн. текста по 12 к., а
вперед. текста по 25 к. за строку петита нач. заглавное
сло мѣсто.

Памяти А. П. Чехова.

На годичномъ актѣ 17 октября въ Аганрогской мужской гимназій ин-спекторъ Лонткевичъ сказалъ ин-тересную рѣчь, нѣкоторыя мѣста кото-рой мы приводимъ ниже.

Сегодня у насъ необычное торжество: на-ша гимназія въ 99-й годъ своего существо-ванія торжественно празднуетъ то событіе, которое не всегда выпадаетъ на долю учеб-наго заведенія. Идя на встрѣчу нуждамъ об-щества, она расширила свое зданіе, чтобы дать возможность получать образованіе боль-шему числу учащихся и чтобы выполнить, какъ сказать, на дѣлѣ завѣты оцъ державнаго основателя—Императора Александра I. На-ша гимназія за все время своего существо-ванія нѣсколько разъ мѣняла свое названіе пережила не одну реформу учебно-воспи-тательнаго строя, но за все это время она стремилась къ цѣли, намѣченной Державной волей—воспитывать побольше хорошихъ и полезныхъ членовъ семьи, общества, Госу-дарства и Церкви. Насколько ея достигнута эта завѣтная цѣль каждаго учебного заве-денія, я не берусь судить. Но наша гимназія безспорно имѣла значеніе въ развитіи на-шего края. Теперь, вступая въ 99-й годъ своего существованія, она не безъ удоволь-ствія должна остановиться на той массѣ быв-шихъ своихъ воспитанниковъ, которые, вый-дя изъ учебнаго заведенія, посвятили луч-шіе свои годы и силы служенію своей ро-динѣ, то на трудномъ педагогическомъ по-прищѣ, то въ скромной долѣ гражданской службы, то въ исключительномъ служеніи наукъ и литературѣ, то, наконецъ, въ рядахъ русскаго воинства. Въ нынѣшній торже-ственный и знаменательный день нашей гим-назіи я позволю себѣ остановить ваше благо-клонное вниманіе на томъ особомъ пи-томцѣ нашего учебнаго заведенія, который всегда будетъ составлять его гордость и всегда будетъ красой нашего родного слова. Я говорю оъ Антонѣ Павловичѣ Чеховѣ. Смерть его, послѣдовавшая 2 Іюня с. г., не прошла незамѣченной, несмотря на то, что въ это время вниманіе всего русскаго об-щества было отвлечено событіями на Даль-немъ Востоцѣ, и вызвала много искреннихъ сожалѣній о преждевременной уtratѣ доро-гого поэта. Я не буду останавливаться на біографическихъ подробностяхъ жизни этого писателя: онѣ намъ болѣе или мѣнѣе зна-комы и еще болѣе стануть извѣстными, если только осуществится благая мысль высокоуважаемаго Е. М. Гаршина объ органи-заціи Чеховскаго кружка. Когда будетъ ут-вержденъ проектъ устава литературнаго кружка, посвященнаго памяти Чехова, то, нужно думать, мы будемъ имѣть много цѣн-наго и интереснаго какъ относительно біо-графіи поэта, такъ равно и пріемовъ его творчества. Въ литературной дѣятельности Чехова существуетъ два періода: періодъ Чехова-Чехонте, до 1888 года, и второй—съ появленія „Скучной Истории“.

Разбираясь подробно въ характери-стикѣ второго періода (мрачная поло-са отчаянья и безнадежной тоски, охватившая въ восьмидесятихъ годахъ наиболѣе чуткіе элементы русскаго общества), констатируя любовь поэта къ своей пошлой средѣ и ея „хму-рымъ“ героямъ, а также наличность бытовыхъ фигуръ этого времени и останавливаясь на характеристикѣ безсилія русской интеллигенціи побо-роть косность окружающей среды, на поколѣніи реформаторовъ отцовъ и такъ называемомъ „чеховскомъ стра-хѣ“ и непониманіи жизни,—ораторъ продолжалъ:

Въ сочиненіяхъ Чехова множество лицъ, взятыхъ изъ всѣхъ слоевъ русскаго обще-ства послѣдняго двадцатипятилѣтія и пото-му его сочиненія—огромный, умственный и художественный трудъ, документъ, изъ ко-торого стануть черпать матеріалъ будущіе историки русской жизни. Въ этихъ сочине-ніяхъ они найдутъ закрапленное въ художе-ственныхъ образахъ отраженіе жизни та-кою, какою она была въ дѣйствительности, со всѣми ея интимными психологическими пружинами, неуловимыми для обыкновенна-го наблюдателя, съ особымъ чеховскимъ „страхомъ“ въ основѣ. Въ сочиненіяхъ Че-хова—все такъ уныло, безотрадно, сѣро, —но пессимистическое чувство, вызываемое средой и героями Чехова, еще не даетъ ос-нованія говорить о пессимистическомъ со-зерзаніи самого автора, такъ какъ Чеховъ страстно любитъ жизнь и любитъ жизнью своихъ героевъ. Эта жажда жизни, эта ра-дость жизни и вѣра въ нее заставляютъ его героевъ такъ тосковать, такъ жалѣть, что они не вполне подготовлены къ этой жизни; оттого то они горько сознаютъ, что вся дѣ-ятельность ихъ безплодна и безцѣльна, они чувствуютъ, что нужны какія то коренныя измѣненія во всей нашей жизни. Баронъ Тузенбахъ въ „Трехъ сестрахъ“ сильно хо-четъ трудиться и не можетъ приучить себя къ труду; нужны какія то стороннія возбу-жденія. „Пришло время — говорить онъ, —надеждается на всѣхъ насъ громада, гото-вится здоровая, сильная буря, которая идетъ уже близко и скоро слѣдетъ съ нашего об-щества лѣнь, равнодушіе, предубѣжденіе къ труду, гнилую скуку. Я буду работать, а че-резъ какія нибудь 25—30 лѣтъ работать бу-детъ уже каждый человѣкъ, каждый! Тогда жизньъ будетъ „свѣтлою, прекрасною, изыс-кнутою“, какъ говоритъ Соня въ „Дядѣ Ванѣ“. Пусть эта счастливая жизньъ — говоритъ Вершининъ въ „Трехъ сестрахъ“, — насту-паетъ черезъ 200—300 лѣтъ, наконецъ, че-резъ тысячу. Но дѣло не въ срокѣ. Человѣ-ку нужна такая жизньъ, и если ея пока нѣтъ, то онъ долженъ предчувствовать ее, ждать, мечтать, готовиться къ ней, онъ долженъ для этого видѣть и знать больше, чѣмъ ви-дѣлъ и зналъ его дѣдъ и отецъ“. Вотъ ка-кой завѣтъ оставляетъ вамъ, мои дорогие пи-томцы, вашъ старшій товарищъ.